
О ДАТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ, КОСВЕННОМ ОБЪЕКТЕ И «ГОЛОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ»

С.А. Лутин, И.К. Алексеева

Кафедра русского языка
Московский авиационный институт
Волоколамское шоссе, 4, Москва, Россия, 125993

В статье предпринимается попытка переосмыслить некоторые традиционные взгляды на семантику дательного падежа, выявить его инвариантную функцию и определить место в системе русских падежей.

Ключевые слова: падеж, дательный падеж, косвенный объект, падежная семантика, система падежей, инвариантная функция.

Дательный падеж (далее — ДП) можно, без сомнения, назвать самым семантически прозрачным русским падежом. Связано это с тем, что, как писал А.М. Пешковский, «этот падеж гораздо более целостен по своим значениям, чем все остальные» [1. С. 280]. Приведем две небольшие цитаты из работ представителей различных лингвистических школ, из которых следует почти полное единодушие авторов в данном вопросе:

«Дательный падеж при глаголе, падеж *косвенного* приближаемого *дополнения*, выражает такое зависимое от глагола представление, к которому направлено действие глагола, не охватывая этого представления... и не касаясь его непосредственно...» [2. С. 334] (разрядка автора; курсив наш. — С.Л., И.А.).

ДП, «в сущности, имеет только одно значение, именно то, которое принято называть значением дальнейшего объекта, или *косвенного объекта* (можно и «побочного» объекта)... Слово в ДП — «это именно только адресат, только пункт, куда направлено действие», который «*непосредственно действием не затрагивается*... Это и дает основные значения голой направленности действия для дат. пад.» [1. С. 280—281] (разрядка автора; курсив наш. — С.Л., И.А.).

Мы полагаем, что приведенные формулировки можно и спустя сто лет считать основой современного подхода к семантике ДП, но все же лишь после некоторых уточнений неясным остается, на наш взгляд, следующий вопрос: стоит ли называть **объектом** (пусть косвенным, дальнейшим, побочным, но все же объектом!) того участника описываемого действия, который этим действием непосредственно даже «не затрагивается»? И можно ли говорить о «голой направленности» к адресату глагольного действия, если действие как процесс внесения глагольного признака целиком и полностью направляется в рамках того же предложения на прямой объект?

Другими словами, насколько релевантны для описания семантики ДП категории объекта и действия и нельзя ли более точно и адекватно описать роль соответствующего референта в денотативной ситуации и функцию его имени в предложении?

Рассмотрим предложение *Иван пишет карандашом письмо сестре в комнате дедушки* с точки зрения отношения участников описываемого события к глагольному действию. Сразу исключим из нашего рассмотрения референт слова *дедушка*, т.к. он стоит особняком в ряду тех референтов, имена которых мы встречаем в данном предложении: присутствует или нет он в этой комнате и даже жив он или нет — никак не влияет на развитие актуально описываемого события, и поэтому об этом референте в контексте данной статьи мы говорить не будем (см. об этом [2; 3]).

Референты имен *Иван*, *ручка*, *письмо*, *комната* реально участвуют в актуальном событии, т.е. находятся в данном месте и в данный час — в момент протекания события. Что касается особенно интересующей нас в данном случае *сестры*, то она, с одной стороны, причастна к развитию события «*написание письма*», поскольку ради нее, для нее это событие и совершается, но, с другой стороны, она непосредственно **не участвует в самом действии**, в самом «процессе писания». Другими словами, и *Иван* как инициатор действия, и *ручка* как орудие этого действия, и *письмо* как прямой объект этого действия, и даже *комната* как место, где это действие осуществляется, — все они находятся в одно время и в одном месте, участвуя в самом действии. *Сестра* же вообще не участвует в процессе осуществления данного действия, хотя при этом и **причастна к событию в целом**: все событие «написание ручкой письма в комнате» совершается для *сестры*, т.е. **словоформа в ДП действительно указывает слушающему на адресата, но не глагольного действия, а всего события!**

Это небольшое уточнение позволяет, с одной стороны, прояснить формулировки А.А. Шахматова и А.М. Пешковского: глагольное действие и в самом деле никак не задевает **адресат в ДП**, и именно поэтому он не является ни косвенным, ни побочным объектом этого действия; он **является прямым объектом**, но только не глагольного действия, а **события в целом**.

Вместе с тем данное уточнение оказывается не только терминологическим; на наш взгляд, оно позволяет глубже проникнуть в семантику ДП и яснее представить его место в падежной системе русского языка в целом.

Покажем это на примере анализа некоторых наиболее типичных и частотных грамматических значений ДП в современном русском языке.

Начнем с так называемого *дательного адресата предоставления*. Речь идет о конструкциях с переходными глаголами, в которых, помимо прямого объекта, указывается еще и «адресат предоставления предмета, передачи качеств, свойств, сообщения и др. в ситуации „давания“». Эта ситуация предполагает активный субъект „давания“, объект предоставления (или передачи) и адресат» [5. С. 51]. Например, со значением передачи конкретного предмета: *Иван послал письмо матери. Посол вручил верительную грамоту президенту. Друг одолжил мне деньги*. Сюда же традиционно относят и конструкции со значением передачи отвлеченных предметов: *Наши войска нанесли поражение (сокрушительный удар) врагу. Студент уже в третий раз не смог сдать этот экзамен профессору Иванову*. Глаголы со значением передачи словесного сообщения также относят к этой группе: *сообщить, сказать, обещать, советовать* и т.п. (1).

Чем интересно данное грамматическое значение ДП для наших рассуждений? Попробуем разобраться, что же и куда направляется («голая направленность») в случае с глаголами предоставления?

Ключ к ответу на этот вопрос мы нашли в той же работе А.М. Пешковского, в которой он говорит о том, что в предложении *Даю брату хлеб* «брат непосредственно действием не задевается» [1. С. 281], называя его при этом косвенным объектом. Повторим наш вопрос: о каком объекте, пусть и косвенном, можно говорить, если само действие не только не охватывает, но даже и не касается этого объекта?

Итак, ученый, для того чтобы подчеркнуть мысль о том, что косвенный объект непосредственно не задевается действием и является лишь адресатом, только «пунктом», приводит следующую схему (рис. 1).

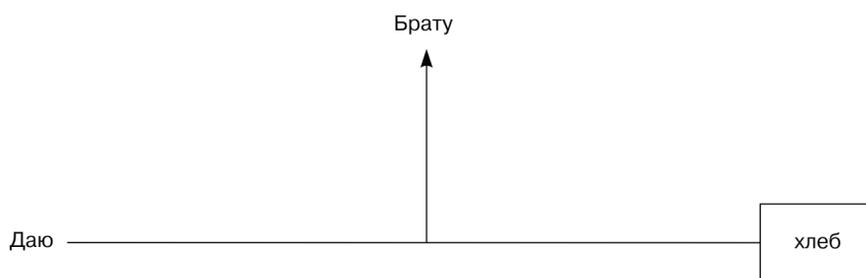

Рис. 1. По Пешковскому

А.М. Пешковский хотел показать, что прямой объект *хлеб* охвачен действием целиком (взят в рамочку), а косвенный объект *брат* им даже не задевается. Но нас в этом рисунке интересует совсем другое: откуда исходит стрелка, направленная к *брату*? Казалось бы, логичнее было нарисовать ее от *даю* к *брату*, просто не обводя косвенный объект в рамочку?

Не знаем, случайно ли автор нарисовал стрелку так, а не иначе (в тексте на эту тему нет никаких комментариев), но в любом случае мы полагаем, что вся грамматическая суть дательного адресата предоставления заключается в этом рисунке, каков он есть, особенно в исходной точке упомянутой стрелки, и вот почему.

Прежде всего вспомним, что переходный глагол называет действие, направленное на такой объект, который окажется полностью охваченным результатом этого действия в случае успешного завершения последнего (см. [6; 7]). В предложении *Посол вручает верительную грамоту* форма ВП существительного *грамота* указывает нам на то, что если процесс вручения полностью завершится, то *грамота* окажется носителем соответствующего глагольного признака, сольется с ним, приобретя новое качество, став не просто *верительной грамотой*, а *врученной верительной грамотой*; и в этом случае можно будет сказать, что *грамота вручена (послом)*.

Если же в событии появляется еще один партиципant-адресат, то вправе ли мы сказать, что процесс *вручения* направлен и на него, если мы только что сказали,

что этот процесс направлен на прямой объект с целью полного перехода в него? Другими словами, если само действие направлено к одному объекту с целью полного перехода в него, то как оно же может быть направлено и к другому объекту?

Как мы уже сказали, ответ на этот вопрос содержится в рисунке А.М. Пешковского: словоформа в ДП указывает нам не на косвенный или побочный объект самого действия, а на «именно только адресат, только пункт, куда *направлено...*» (Пешковский), но **не само действие, а событие в целом**, в нашем случае — *вручение верительной грамоты*. Именно поэтому «стрелка Пешковского» направлена к адресату не от глагольной формы *даю*, а от линии, соединяющей знак действия и знак прямого объекта, от них вместе, т.е. от всего события *даю хлеб* в целом.

Грамматическим подтверждением справедливости такой трактовки указанных конструкций является сохранение ДП при различных их трансформациях, что традиционно констатируется, но обычно остается без убедительных объяснений: поскольку актант, имя которого маркировано ДП, является адресатом всего события внесения глагольного признака в прямой объект, то стадия данного действия (находится ли оно в процессе */вручает/*, или окончено */вручил/*, или завершилось результатом */вручена/*), естественно, никак не касается этого актанта — он всегда остается адресатом всего события в целом: *Посол вручает грамоту президенту / Посол вручил грамоту президенту / Грамота вручена президенту послом*. **Словоформа в ДП при глаголах предоставления обозначает адресат события, описывающего внесение переходного глагольного признака в прямой объект**, а не адресат самого действия.

В связи со сказанным правильнее было бы говорить не о прямом и косвенном объектах действия, а об **адресате действия**, имя которого маркируется ВП (= объекте действия), и **адресате события**, имя которого маркируется ДП (= объекте события). При этом адресат действия является потенциальным получателем глагольного признака (*Я читаю книгу* — после успешного завершения действия *книга* окажется *прочитанной*, т.е. глагольный признак полностью перейдет в объект; до этого объект — лишь потенциальный получатель глагольного признака или место потенциальной фиксации с обязательным контактом [7; 8. С. 23—26], а адресат события является потенциальным получателем результата события, или зоной (2) его потенциальной фиксации [7; 8. С. 34—37].

Говоря о конструкциях с дательным адресата предоставления, мы должны сказать об одной семантической особенности, которая сближает их с исторически исходным пространственно-обстоятельственным значением древнего ДП (**СЕМОУ ВЛАСАНА РИЗА БЪ; при ъха домовъ; надо всеми горъ ъ** бляше яко дуга мѣць). Если в конструкциях с дательным обстоятельственным речь всегда шла о взаиморасположении двух точек в пространстве (3), то и в случае с дательным предоставлением описываются события, результатом совершения которых также должна оказаться пространственная близость и фиксация двух точек в прост-

ранстве — объекта действия (объекта «давания») в зоне адресата (= при адресате): *Ярославь... приде Киеву / Отряд подошел к городу / Теперь отряд у города*. Ср.: *Посол вручил грамоту президенту / Теперь врученная грамота у президента*.

На фоне этого следующим логическим шагом системно-функционального развития ДП следует, наверное, признать распространение этого падежа на группу глаголов «передачи словесного сообщения» [5. С. 52], например: *Иван читает книгу сестре*. В данном случае уже можно говорить о полной синтаксичности ДП, поскольку обстоятельственность окончательно ушла из него вместе с утратой локативности, т.е. вместе с семой сближения двух точек в пространстве (*грамоты* и *президента* в предыдущем примере). Теперь уже можно однозначно говорить о направленности в целом события «чтение книги» к адресату *сестре*, т.к. очевидно, что ни о каком пространственном сближении *книги* и *сестры* речи здесь не идет. Грамматически это подтверждается невозможностью описания результата адресования этого события с помощью конструкции *у+РП*: *Теперь книга у сестры* — это, как говорится, уже совсем другая история.

Таким образом, системно-функциональное развитие ДП шло следующим образом: от указания на партиципанта события, в зоне которого находится другой партиципant (чисто обстоятельственное локальное значение — *при ъха домовь*) через развитие грамматикализации в рамках значения адресата предоставления (значение адресата события, но еще на фоне сохраняющейся исходной семы пространственного сближения партиципантов — *Посол вручил грамоту президенту*) и, наконец, к чисто грамматическому значению — значению объекта адресата события (*Иван читает книгу сестре*).

Такое семантическое развитие ДП происходило в рамках общей грамматикализации падежной системы русского языка и в соответствии с едиными направлениями функционального развития этой системы.

По нашему мнению, особенности складывающейся актуальной инвариантной функции ДП были вызваны развивающейся дифференциацией языковых средств по признаку потенциальности/реальности, что мы пытались показать в ряде предыдущих наших работ [8].

Так, если Иван успешно завершит чтение книги сестре (*Иван прочитал книгу сестре*), то *книга* как прямой объект внесения глагольного признака окажется *прочитанной*; при этом *сестра* никак не изменит своего статуса по отношению к *данному действию*, т.к. это не есть действие над сестрой, а лишь действие для нее: успешно или нет завершилось адресование *сестре* события «чтение книги», в рамках данного сообщения нам узнать не суждено (*сестра* могла уснуть во время чтения, отвлечься или не воспринять информацию по другой причине). В рамках данного сообщения *сестра* обречена навсегда остаться лишь зоной *потенциальной* фиксации результата события. При этом понятие «зоны» подчеркивает, что результат события оказывается лишь «приписанным» к этому партиципанту, *не охватывая его целиком и не сливаясь с ним* (как в случае с ВП). Так, если *Игрок кидает мяч партнеру по команде*, то это вовсе не значит, что

партнер этот мяч поймает и он окажется у него — партнер лишь потенциальная зона фиксации; при этом речь идет именно о зоне фиксации, поскольку иначе мяч оказался бы в партнере.

Именно эта сема потенциальности и явилась тем новым, что видоизменило инвариантную функцию ДП. Древний датив был безразличен к этому признаку и одинаково успешно мог описывать ситуацию как реальной фиксации одного участника в зоне другого (СЕМОУ ВЛАСАНА РИЗА БО), так и потенциальной (ТЪГДА ПОУСТИША I-ЕМОУ ТРИСЪТА ЗЛАТИЦЪ). По мере функционального развития русской падежной системы функция указания на место реальной фиксации участника/результата события в зоне другого участника отошла к конструкции *у+РП*, а за ДП закрепилась функция указания на участника как на зону потенциальной фиксации — другой участник/результат события.

Таким образом, при описании потенциальной/реальной фиксации результата события в зоне участника в языке не сложилось столь же строгой и симметричной системы, как в случае потенциальной/реальной фиксации результата действия в самом участнике (4): беспредложному ДП оказался противопоставлен не какой-то другой падеж или специализированная грамматическая конструкция, а сочетание предлога *у* с РП, да и то лишь в тех его значениях, которые были частично связаны с исходной обстоятельственной семантикой беспредложного датива (*Петя бросает/бросил мячик Маше. — Теперь (брошенный) мячик у Маши.*). При этом для тех значений ДП, где он стал полностью синтаксичным, в русском языке не развилось никаких специализированных грамматических средств для описания реальной фиксации результата события в зоне участника, к которому это событие было направлено (*Петя читает сказку сестре. — ∅*) (рис. 2).

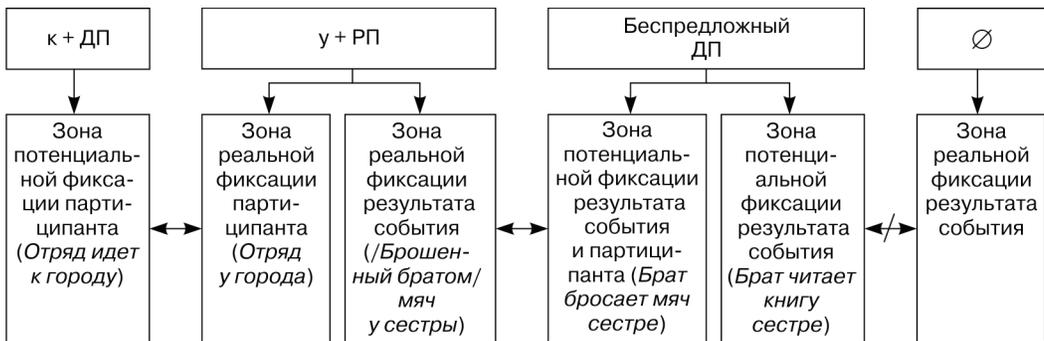

Рис. 2. Грамматические средства русского языка для описания фиксации результата события в зоне участника

Таким образом, актуальная инвариантная функция ДП может быть сформулирована следующим образом: **маркирование имени участника-зоны потенциальной фиксации результата события.**

Что же касается места ДП в системе функций русских падежей, то его можно увидеть из следующей схемы (рис. 3).

РУССКИЕ ПАДЕЖИ → ↓	ГЕНЕРАТОРЫ СОБЫТИЯ	ЛОКАЛИЗАТОРЫ СОБЫТИЯ	
		Локализация в точке (месте)	Локализация в зоне
РЕАЛЬНЫЕ	ИП — маркирование имени генератора события	ПП — маркирование имени участника — места реализованной фикса- ции события	у+РП — маркирование имени участника — зоны реализованной фиксации события
ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ	ТП — маркирование имени вторичного (потенциаль- ного) генератора события	ВП — маркирование имени участника — места потенциальной фиксации результата действия	ДП — маркирование имени участника — зоны потенциальной фиксации резуль- тата события

Рис. 3. Система функций русских падежей

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) По классификации М.А. Шелякина из указанной работы [5].
- (2) Понятие «зоны» при описании ДП взято нами из работ А.Ф. Дрёмова (см., например, [9]). Отметим, что в остальном трактовка семантики ДП указанным автором не кажется нам убедительной.
- (3) **Маркирование имени участника, в зоне которого находится другой участник**, являлось исходной *инвариантной функцией ДП* [8. С. 35].
- (4) *Иван читает/прочитал книгу* (потенциальная фиксация результата действия «в книге») — Книга прочитана (реальная фиксация результата действия «в книге»).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Пешиковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении: Учебное пособие. — М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- [2] *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. — М.: УРСС, 2001.
- [3] *Лутин С.А.* Русский генитив в функционально-семантическом аспекте. — М.: РУДН, 2007.
- [4] *Лутин С.А.* Загадки родительного. Родительный приименный // Русский язык за рубежом. — М., 2007. — № 4. — С. 25—29.
- [5] *Шелякин М.А.* Опыт семантико-синтаксического описания дательного падежа русского языка // Грамматические и лексико-грамматические проблемы описания языка. — Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по русской и славянской филологии. — Вып. 651: Тарту, 1983. — С. 43—57.
- [6] *Лутин С.А.* Прямой и косвенный объекты в зеркале переходности // Вестник РУДН. Сер. Вопросы образования: языки и специальность. — М.: РУДН, 2007. — № 1. — С. 34—43.
- [7] *Лутин С.А.* Новый взгляд на переходность, или: что, откуда и куда переходит при переходных глаголах? // Проблемы преподавания русского языка в ВУЗах современного профиля. Материалы городского научно-методического семинара «Русский язык как иностранный в российских технических вузах». Вып. 3 / Под ред. Т.В. Васильевой. — М.: ГОУ ВПО МГТУ «Станкин», 2010. — С. 207—218.
- [8] *Лутин С.А.* Системно-функциональный анализ категории падежа в русском языке: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. — М., 2008.
- [9] *Дрёмов А.Ф.* Системная теория падежа и предлога в практике преподавания русского языка как иностранного // Мир русского слова. — 2001. — № 1, 2, 3.

ON THE DATIVE CASE, INDIRECT OBJECT AND “NAKED DIRECTION”

S.A. Lutin, I.K. Alekseeva

The Russian Language Department
Moscow Aviation Institute

Volokolamskoye Shosse, 4, Moscow, Russia, 125993

The authors make an attempt to reexamine some traditional views on the Dative case semantic, discover its invariant function and determine its position in the Russian Cases' System.

Key words: case, the dative case, indirect object, case semantics, the cases' system, invariant function.